

Новая Польша 6/2005

0: ТРИНАДЦАТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ УПРАЖНЕНИЙ

Поворот в восточном направлении

Константин, май 2004

В те времена, о которых я рассказываю, еще не вызывал удивления тот факт, что в исключительных обстоятельствах писатели разных стран устраивают международные встречи и беседуют о народах — как бы от имени или вместо народов, потому что народам это было бы слишком трудно. Точно так же, как не вызывал и по сей день не вызывает удивления тот факт, что таким образом строят свою повседневную деятельность политики. Правда, писатели, возможно, делают это не так лицемерно. Но политики считают, что только они компетентны. Сомневаюсь, подтвердит ли это история. Может, все-таки народам лучше, когда от их имени говорят их писатели, чем когда выдумывают, что делать, их политики.

Вскоре после берлинского съезда по вопросу объединения Германии мне был задан новый тип европейского упражнения. Тему предложили не немцы, а польский поэт Виктор Ворошильский: побеседовать с русскими писателями о Польше и России. Он сам выбрал и пригласил гостей из еще существовавшего Советского Союза. Целью был диалог, а скорее первая попытка свободного диалога, наконец возможная ввиду «перестройки» и «гласности» — чтобы использовать два тогда самых модных русских слова, не знаю, самых ли модных в России, но на Западе точно.

Какой-то диалог о России состоялся, правду говоря, и с самими поляками. Я провел его только частично. У двух моих близких друзей и сотрудников по недавнему оппозиционно-подпольному прошлому я столкнулся с неодобрением. Известный литературный критик Томаш Бурек вообще осудил инициативу Виктора Ворошильского, неуместную, как он сказал мне, перед лицом не оплаченных Россией счетов за нанесенные Польше обиды. На встречу с «советскими» русскими он не приехал. Приехал русист, тогдашний директор телевидения Анджей Дравич и выступил, но — для разнообразия — был недоволен тем, что я совершенно ненужно раздражал гостей спорными темами.

Диалог

Радзеёвице, апрель 1990

Я заглянул в греческий словарь, чтобы проверить, в каких значениях первоначально употреблялось слово «диалог». Оказалось, что словарь приводит только одно значение, всем хорошо известное: dialogos — разговор, диалог. И только один пример употребления слова древнегреческим писателем нашелся в словаре. Цитируется Платон: диалог души с самой собою.

А может быть, такой диалог души с самой собою и есть единственный диалог, который ведет человек благодаря литературе? Порождает ли вообще литература другие диалоги? Делает ли их возможными? Выручает ли она в каких-то диалогах? Не знаю.

Чтобы сказать, например, что в литературе происходит диалог русских с поляками, надо бы с определенной специфической точки зрения изучить обе литературы и оба общества, на что меня, разумеется, не хватит.

Признаем некий бьющий в глаза факт: Россия — побольше, Польша — поменьше.

Ну и что? Это все знают. Что же может внести в диалог русских с поляками такая банальная истина? Мне кажется, может, если посмотреть на вопрос свежим и непредубежденным взглядом.

С этой целью временно забудем, что мы говорим о Польше и России. Представим себе какие-то два другие существа, создания, организма, лишь бы с одной стороны было нечто куда большее, а с другой — нечто куда меньшее.

А раз мы писатели, то начнем сочинять рассказ об этих двух существах. И станем сочинять не фальшивый и искусственный сюжет, а простой и естественный.

Ну и какой же замысел придет нам в голову в первую очередь? Спорю, что прежде всего мы представим себе, что это большое существо хочет съесть маленькое. Так мы это мыслим с детства, таков наш опыт, общее знание о мире и объективная истина.

Но вскоре мы, вероятно, задумаемся, особенно когда осознаем, что этим большим нечто можем быть мы сами, потому что поблизости от нас всегда попадается что-то поменьше.

Ах, нет! — подумаем мы. Таковую прожорливость мы находим только у хищников, например, у щук, может быть, у каких-то ассирийцев, ацтеков, ну еще, может, у немцев. И представим себе много других рассказов, например, психологических, о существе побольше и существе поменьше. К таким рассказам я еще вернусь. Но утверждаю, что наше литературное воображение развернется исходя из основополагающей и очевидной картины, т.е. из пожирания того, что поменьше, тем, что побольше.

Мы не должны удивляться, что так работает воображение народов, особенно народов поменьше, которые уже не раз побывали в зубах, а то и прямо в брюхе какого-нибудь колосса и чудом оттуда выбирались. Их историческое, политическое — и как там еще его назвать — воображение опирается на воспоминания о том, как их кусали, раздирали и как они проваливались в глотку чудовища. Часто оно не может выйти за пределы очевидной и основополагающей картины пожирания, грозящего народу.

Воображение поляка вырастает из по меньшей мере двухсотлетнего фундамента такого опыта. Оно помнит резню жителей правобережной Варшавы, устроенную солдатами Суворова, и помнит Катынь. В сфере духовных репрессий оно помнит также запрет учиться в школах по-польски и запрет говорить о Катыни, попытки насильственного обращения в православие и насильственного обращения в коммунизм. Помнит виселицы с повешенными в XIX веке и товарные вагоны с тысячами депортированных в XX м. С точки зрения русского это как бы второстепенные вопросы, которыми нет причины заниматься особо, ибо русское воображение переполнено более страшными драмами — своими и столь бездонными, что их вообще ни с чем не сравнишь.

Тут я хотел бы отметить нечто, слабо осознаваемое поляками. Между Россией и Польшей случались и обратные ситуации, когда Польша была больше России, необязательно с территориальной точки зрения. Поляка может поразить открытие, какую важную роль в русском воображении и традициях играет факт, для польской страны эпизодический и маловажный, — вторжение польского войска в Кремль и незадачливый замысел посадить на царский трон польского короля, а вдобавок даже заставить Россию перейти в католичество. Дело происходило в 1610 г., но русские этого не забыли, хотя прежде всего помнят о торжестве России, изгнавшей польских захватчиков в 1612 году.

Обратите, пожалуйста, внимание: поляки повели себя здесь «по-русски». Вторглись в чужую страну, вынуждены были оттуда убраться и считают, что это была незначительная мелочь, ибо им хватало и хватает трагедий посерьезней. Русские повели себя «по-польски»: превратили событие в легенду, раздули ее значение, насочиняли поэм, опер, памятников и чванятся этой мешаниной поражения и победы так, как это типично — о диво! — для более слабой стороны.

Тут уже можно вернуться к нашим отложенным психологическим рассказам о существе побольше и существе поменьше. Перед лицом смертельной опасности маленький зверек обычно раздувается, топорщится и пыжится, потому что хочет любой ценой стать побольше. Это не от глупости, а от отчаянного желания уцелеть.

Не так ли отчасти и поляки в последние двести лет стараются прибавить себе величия? Этому служит как их политическая бравадность, так и возвышенное художественно творчество или, например, некоторая претенциозность в обычаях. Благодаря всяким таким штучкам поляки часто зарабатывают у русских репутацию раздражающих гордецов, лицемеров, а частично и дураков.

Ах, вот оно! Этот обширный горизонт большого существа! Его львиная мудрость! Его львиные доли, высшие цели и миссии! Его братская общность с малыми!

Суть в том, что малые существа обычно не хотят братской общности с большими, а большие — не могут понять, почему. Как я уже сказал, некогда Польша была большой, хотя необязательно с территориальной точки зрения. Ну и что? Если бы Россия тогда захотела, после вторжения поляков в Кремль, принять польского короля, а вдобавок обратиться в католичество и вообще сделать из себя Запад, разве это не принесло бы ей многочисленных выгод? Может, потом обошлась бы без Петра Великого, Кутузова, Ленина, Сталина? Может, даже не возмущдалась бы в Горбачеве и Ельцине? Но Россия как-то не приняла во внимание эту возможность.

Конечно, если бы полякам в свое время понравился панславизм и если б они помогли ему победить, тоже было бы все в порядке и наверно дело не дошло бы до польско-советской войны 1920 года, пакта Риббентропа—Молотова, Катыни и Варшавского договора.

Ничего у нас не клеилось. То есть: не клеилось большее с меньшим.

Но есть еще одна мысль, которую русские внушают полякам. Не можем ли мы признать общность страданий? Русские считают, что русских страданий больше, так пусть поляки перестанут напоминать отдельно и приоритетно о своих меньших страданиях. Пусть согласятся, что в массовых бедствиях сталинизма они участвовали пропорционально и *наравне со всеми*. Так будет справедливо. Разве в сталинском государстве голодали только депортированные в СССР поляки? Куда больше русских голодало. Разве уничтожали только поляков? Уничтожили миллионы других. Труп лежит рядом с трупом, и большинство — не поляки. По мнению русских, полякам нужно влиться в это страшное множество, отождествиться с русским большинством и прекратить свои особые жалобы, звучащие жалко и как бы неуместно.

Не советую русским хвататься за такую мысль. Не советую им искать общности, которую составляют одни жертвы, а палачи теряются.

Поляки не были палачами — это и отличает их от пресловутых «всех». И еще то, что они были не из тех краев и вообще никогда не должны были оказаться в местах, где им пришлось испытывать эту коллективную судьбу наравне со всеми.

Я советовал бы отбросить мысль о примирении русских и поляков таким образом, чтобы тем и другим пришлось признать, что в недавнем прошлом их якобы соединяла общность одной и той же трагической судьбы. Ибо этого не было, а предлагать эту идею — нравственно нечисто.

Однако чувствуем мы и другое — что, говоря об общности трагической судьбы в экзистенциальном человеческом аспекте, мы близки к одной важной истине. Мы чувствуем, что примирение, терпимость, снисходительность, дружба и общность — это общие добрые цели, к которым народы должны стремиться.

Истинную общность между народами устанавливают только отдельные люди. Хотелось бы сказать русским так: иногда, чтобы создать истинную общность, надо сначала отбросить ложную. И надо разделиться. Надо, главное, разделиться на людей. Может, я что-то такое как раз делаю?

Собственно говоря, с этого и надо начать: разделить национальные множества, которые в конце концов всего лишь понятия, на живые личности, обладающие душой. Например, свести пару «русский и поляк», «советский гражданин и польский гражданин» к состоянию «человек и человек»? Или, наоборот, не свести, а возвести их в это достоинство? Потому что, на мой взгляд, человеческое значит куда больше, чем национальное и государственное.

Но в своей человечности никто не больше другого и никто не меньше. Люди равны, точнее имеют шансы на равенство, которых никто ни у кого не отнимет, разве что сам у себя.

Правдивая литература — художественная, мемуарная, документальная — дает свидетельства того, что в самых тяжелых обстоятельствах, в лагерях, тюрьмах, на войне, среди бездомных, голодных, больных, возникала общность между поляком и русским, существовали сострадание, солидарность и взаимопомощь, обладавшая самой высокой ценностью, так как она требовала самоотречения, отваги, иногда прямо-таки героизма.

В те времена, которые сейчас уходят в историю, поляки знали среди русских врагов и палачей, знали апатичную серую массу, но знали и людей благородных, добрых, мудрых, необычайно стойких и, можно бы сказать, святых. Таким людям я приношу здесь свои скромные почести.

*

***Яцек Бохенский** (1926 г.р.) — писатель, в 1997-1999 гг. председатель Польского ПЕН-клуба, один из учредителей и редакторов независимого журнала «Запис», выходившего не подцензурно до 1981 года. Автор книг «Божественный Юлий», «Назон-поэт», «Состояние после коллапса», «Капризы пожилого господина». Книга «Тринадцать европейских упражнений» только что вышла в издательстве «Свят ксёнжки» («Мир книги»).*

1: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Сейм единогласно принял резолюцию в связи с 60-летием окончания II Мировой войны, в которой, в частности, говорится: «Польша, подвергшаяся нападению 1 сентября 1939 г., первая с оружием в руках выступила против гитлеровской агрессии (...) Польша выставила четвертую по численности (после советской, американской и британской) регулярную армию, сражавшуюся с врагом на суше, на море и в воздухе. Поляки создали самую крупную подпольную армию, которая участвовала в сотнях боев, включая такое беспрецедентное сражение, каким стало Варшавское восстание, поглотившее сотни тысяч жертв. Победа союзников не вернула нашим отцам и дедом долгожданной независимости, но принесла новую зависимость и коммунистическое порабощение. В стране воцарился террор (...) Мы напоминаем, что эта самая кровавая в истории человечества война стала следствием безумной политики гитлеровской Германии (...) Путем к осуществлению ее замыслов был подписанный 23 августа 1939 г. пакт Риббентропа—Молотова. Польша стала первой жертвой двух заключивших союз агрессоров (...) Однако уважение к истине и истории требует, чтобы варварство и преступления сталинизма не заслонили тех огромных жертв, которые понесли народы, населявшие СССР, сражаясь с гитлеровской Германией с июня 1941 года. Сейм Республики Польша воздает дань уважения миллионам бойцов Красной Армии, в том числе погибшим в 1944-1945 гг. на польской земле во время победного наступления на Берлин. Установленный в Ялте послевоенный порядок привел к тому, что в Центральной и Восточной Европе воцарилась коммунистическая система, а демократия могла наступить только спустя 45 лет после окончания войны». (*«Газета wyborcza»*, 5 мая)

• Из выступления президента Александра Квасневского 7 мая во Вроцлаве на торжествах по случаю 60-летия окончания II Мировой войны: «В заключительный период войны на всех ее фронтах сражалось около 600 тыс. польских солдат (...) На нашей земле в боях с немецкими войсками полегло около 600 тыс. солдат Красной Армии (...) XX век был веком не одного, а двух тоталитаризмов. Поляки во всей полноте испытали на себе жестокость обоих. Как справедливо заметил (...) Норман Дэвис, „место между Гитлером и Сталиным было самым неудобным местом на земном шаре“. Мы убедились в этом в сентябре 1939 г., когда во исполнение пакта Риббентропа—Молотова состоялся четвертый раздел Польши, а затем и порабощение прибалтийских государств. Это факты, о которых невозможно забыть — так же, как не можем мы забыть фотографий, на которых видно, как немецкие и советские солдаты участвуют в совместном параде после подавления польского сопротивления (...) Мы с возмущением и горечью вспоминаем, что, когда в московском небе гремел салют в честь победы, шестнадцать лидеров подпольной Польши сидели в казематах Лубянки. Трое из них были казнены». (*«Газета wyborcza»*, 9 мая)

• «Выставка на Уяздовских аллеях (...) На тротуаре расставлены металлические каркасы, на которых вывешены 80 портретов солдат, офицеров и санитарок. Это варшавские повстанцы и бойцы польского подпольного государства, преследовавшиеся аппаратом госбезопасности в 1944-1956 годах. Им посвящена эта выставка под открытым небом напротив бывшего здания министерства госбезопасности (...) Перед многими портретами сразу же появились цветы и горящие свечи. „А когда война кончится, высохнет кровь, по аллеям с парадом пройдем мы вновь...“ — пели они в августе 1944 года. Не довелось. Вместо триумфального победного шествия их повезли по Уяздовским аллеям в тюрьму. Им было чуть больше 20 лет». (*«Жечпосполита»*, 10 марта)

• «Хотя в ходе берлинской операции погибло более десяти тысяч польских солдат, СССР не согласился создать в Берлине хотя бы самое маленькое польское воинское кладбище или выделить участок на одном из двух гигантских советских кладбищ, несмотря на то что международное право предписывает хоронить военных там, где они погибли. Часть останков вывезли за Одер [на территорию Польши]. Судьба остальных неизвестна». (*Цезарий Гмыз, «Впрост»*, 8 мая)

• «Нам удалось разыскать 87-летнего Антония Яблонского, одного из трех бойцов дивизии им. Тадеуша Костюшко, которые 2 мая 1945 г. первыми водрузили польский флаг на колонну Победы в Берлине (...) Сегодня он живет на 640 злотых пенсии и ветеранской надбавки. Глядя на 24 ордена и медали, полученные им за военные заслуги, он вспоминает прошлое. Его не пригласили на московские торжества. Никому не хотелось вспоминать, кто первым водрузил флаг на колонну, да вдобавок еще и бело-красный». (*Ежи Данелевич, «Ньюсуик-Польша»*, 8 мая)

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, за год число сторонников Евросоюза возросло. В канун вступления Польши в ЕС их было 61%, а противников — 28. Сейчас сторонников — 74%, а противников — 18. (*«Жечпосполита»*, 30 апр. — 1 мая)

• «В 2004 г. иностранные фирмы инвестировали в Польшу почти 8 млрд. долларов. Полоса неудач нашей страны кончилась (...) По сравнению с 2003 г. стоимость проектов иностранных фирм увеличилась на 23% (...) Растет также число новых рабочих мест на иностранных предприятиях. В 2004 г. иностранцы обещали принять на

работу 14,8 тыс. человек. Годом раньше работу в иностранных фирмах получили 10 тыс. поляков». («Жечпосполита», 2 апр.)

- «Польша занимает одно из первых мест в Евросоюзе по уровню безработицы — 16,2%». («Пшеглэнд православный», май)
- «Согласно последнему отчету Всемирного банка, условия деятельности предпринимателей в Польше улучшаются слишком медленно, а суды работают чуть ли не медленнее всех на свете. Польши нет в первой двадцатке стран, в которых легче всего действовать предпринимателям. Мы занимаем лишь 45 е место — на три места ниже, чем в 2004 году». («Газета wyborча», 14 апр.)
- «В этом году государственная казна получит около 2 млрд. злотых дивидендов — в два раза больше, чем планировалось. Это результат благоприятной конъюнктуры — но не только. Многие государственные фирмы получили в прошлом году рекордную прибыль. Некоторые предприятия удвоили ее или даже утроили. Распределение этой прибыли пополнит и бюджет». («Жечпосполита», 18 апр.)
- «В 2003 г. польские предприятия получили рекордные государственные субсидии — 28,6 млрд. злотых, т.е. 3,5% ВВП (годом раньше эта сумма составила только 10,3 млрд. злотых). Больше всего досталось угольной промышленности. В связи с реструктуризацией этот сектор получил 17,5 млрд. злотых. Государство помогает прежде всего крупным нерентабельным предприятиям — в 2003 г. крупные фирмы использовали 80% резервов, предназначенных для всех предприятий (...) 20 фирм, которым досталось больше всего государственных субсидий, получили тогда почти 20 млрд. злотых». («Жечпосполита», 21 апр.)
- «Польша ходатайствует о выделении дополнительных средств на строительство и модернизацию рыболовецких судов. Брюссель не соглашается на это. По его мнению, гораздо важнее рыбоохрана». («Жечпосполита», 22 апр.)
- «Защитники животных хотят добиться введения более гуманного метода убоя кур поставщиками сети „Kentucky Fried Chicken”. Сегодня они будут пикетировать один из варшавских ресторанов (...) Как убивают кур? Живых кур подвешивают вниз головой в специальных металлических зажимах. Конвейер везет их к резервуару, наполненному водой, через которую пропущен ток. В воду должны погрузиться головы и шеи кур. Если куры вырываются либо если они слишком большие или слишком маленькие, они не погружаются в воду как следует, и ток не оглушает их (...) Случается, что на дальнейшую обработку — на перерез горла (для обескровливания) и отрез головы — птица идет не оглушенной (в фильмах организации ПЕТА видны бьющиеся куры без голов). Если курица слишком мала, машина может отрезать у нее только верх головы, и она еще жива, когда попадает в опил». («Газета wyborча», 22 апр.)
- «Правительство не послало в Брюссель статистику о загрязнении атмосферы газами, вызывающими парниковый эффект. Вчера Польша, а также Люксембург и Мальта получили из Брюсселя первые письменные предупреждения». («Жечпосполита», 13 апр.)
- «На встрече в Варшаве представители Польши, Украины и Европейской комиссии приняли решение возобновить работы по прокладке польского участка трубопровода Одесса—Броды. Поставки в Польшу каспийской нефти должны начаться уже в сентябре — пока по железной дороге. Во время встречи было решено, что Брюссель заплатит 2 млн. евро консультационной фирме, которая подготовит документы, необходимые, чтобы начать строительство нити трубопровода Одесса—Броды, доходящей до Плоцка». (Анджей Кублик, «Газета wyborча», 23-24 апр.)
- «„Контроль над нефтью, газом и энергетикой мы должны держать в закрытом на ключ ларце, чтобы он не перешел к России”, — сказал Станислав Цёсек (...) Один из бывших руководителей ПОРП, а в 90 е годы посол в Москве убеждал, что нельзя отдавать России контроль над стратегическими отраслями экономики. Советник президента и эксперт в области восточной политики, Цёсек подверг критике идею выпустить на биржу Гданьский нефтеперерабатывающий комбинат, так как это грозит поглощением фирмы российскими нефтяными гигантами (...) Цёсек согласился с мнением, что экспорт сырья — одна из основ экспансионистской политики России (...) Во времена общественно-политических преобразований 16 лет назад Цёсек должен был заверять „советских товарищей”, что Польша „не сойдет с пути строительства социализма”». («Жечпосполита», 21 апр.)
- «Министерство государственной казны сообщило о завершении последнего этапа взятия под государственный контроль гданьского „Нафтопорта”. Речь идет о терминале, обеспечивающем поставки нефти польским нефтеперерабатывающим предприятиям независимо от российской системы трубопроводов „Дружба” — главного источника обеспечения нефтью комбинатов в Плоцке и Гданьске. Решение о строительстве

„Нафтопорта” было принято в середине 1991 г., когда нефтеперерабатывающим предприятиям грозило прекращение поставок нефти, поступающей по нефтепроводу из России». (*«Газета выбора»*, 18 апр.)

• „Ю-щен-ко! Ю-щен-ко!» — скандировали вчера в честь президента Украины студенты Варшавского университета. Виктор Ющенко посетил университет, чтобы поблагодарить студентов за участие в демократических переменах на Украине (...) Молодежь из Варшавского университета и других варшавских вузов с первого же дня приняла участие в „оранжевой революции”. Она устраивала акции протеста перед украинским посольством после фальсификации выборов, призывала польских политиков к активным действиям. В конце концов почти две тысячи молодых поляков вместо того, чтобы провести Рождество в кругу семьи, поехали на Украину наблюдать за выборами. Студенты и приглашенные гости из польских и украинских неправительственных организаций устроили Ющенко овацию стоя. Позднее они несколько раз прерывали аплодисментами его речь. Сопровождавший его президент Александр Квасневский тоже был награжден аплодисментами за удачное посредничество между демократической оппозицией и тогдашними президентом и премьер-министром Украины Леонидом Кучмой и Виктором Януковичем». (*«Газета выбора»*, 13 апр.)

• «Из Варшавы президент Украины поехал в Подкарпатье. „После того как страницы польско-украинской истории были перевернуты, нужно закрыть прошлое и идти дальше, — сказал Виктор Ющенко нескольким сотням представителей украинского меньшинства. — Мне не хотелось бы, чтобы прошлое ухудшало наши отношения. Я знаю, что во многих сердцах до сих пор живет боль, но призываю — особенно мое поколение — прийти к согласию, подать друг другу руки и строить новую жизнь”. Ранее Ющенко вместе с тремя тысячами украинцев с обеих сторон границы участвовал в освящении часовни в Млынах, над могилой о. Михаила Вербицкого, который в XIX веке написал музыку к украинскому гимну „Ще не вмерла Украина”. Отец Михаил жил в Польше...» (*«Газета выбора»*, 13 апр.)

• «Официально Год Украины в Польше начался в понедельник, но его программу мы узнаем только через месяц. Пока мы должны довольствоваться прекрасно изданным по-польски журналом „Украина”, подготовленным львовской интеллигенцией (...) Это не реклама, сделанная на государственные деньги. „Украина” — это стихийный проект группы львовских интеллигентов, решивших популяризировать свою страну в Польше (...) Журнал, изданный тиражом 5 тыс. экземпляров, можно будет приобрести в киосках и в организациях, занимающихся сотрудничеством с Украиной». (*«Газета выбора»*, 13 апр.)

• Глеб Павловский: «Конечно, мы обиделись на Квасневского (...) Ваш президент не только пытался действовать [на Украине], не консультируясь с Россией, но еще и сформулировал тезис, который я назвал „доктриной Квасневского”: лучше Россия без Украины, чем Россия с Украиной (...) Тех, кто ведет подобную политику, мы будем рассматривать как противников (...) Квасневский (...) не только оскорбил нас, но и просто-таки вынудил сделать выводы относительно его личности (...) У нас есть друзья, которых мы уважаем, и люди, которых мы более чем уважаем. К этой второй группе принадлежит генерал Ярузельский». (*«Жечпосполита»*, 30 апр.)

• Ежи Помяновский: «Из двух соседей Украины только Польша не хочет господствовать над ней. Да, поляки заняли такую позицию довольно поздно — только после II Мировой войны (...) Политиков из других государств заставит задуматься нагоняй, данный Польше, члену ЕС, в интервью [с Глебом Павловским]: „Ваш президент пытался действовать, не консультируясь с Россией”. В конечном итоге единственная цель, которую Глеб Павловский, сам того не желая, достиг своими высказываниями, — это услуга, которую он своими угрозами и внушениями оказал польскому президенту. Ибо все эти претензии сводятся к обвинению в том, что поляк — не вассал. Что он действительно сослужил добрую службу Украине (...) Во вмешательстве Квасневского в украинский кризис [Павловский] видит первую причину разлада между Польшей и Россией. Это выдумка — мороз крепчает уже давно. Однако важнее (...) то, что умнейший, как говорят, советник лидера огромного государства дает ему рискованные советы, а ввиду отсутствия новой концепции будущего своей родины проталкивает допотопные идеи (...) Я сожалею об этом, так как мне жаль Россию. Я провел там самые горячие свои годы и познакомился с людьми, которые смели высказывать и писать правду о тирании, не надеясь, что они увидят ее конец». (*«Жечпосполита»*, 7-8 мая)

• «Почти 150 экспертов, нынешних и бывших дипломатов, а также журналистов из России и стран ЕС встретились в Кринице на I форуме „ЕС—Россия”. Два дня (с 14 по 16 апреля) они размышляли, что сделать, чтобы все ухудшающиеся европейско-российские отношения не зашли в тупик. По мнению России, в ухудшении отношений виноват Евросоюз (...) „Во время кризиса на Украине ЕС впервые вмешался в события внутри пространства СНГ”, — сказал Дмитрий Суслов из Совета по внешней и оборонной политике. По мнению Евросоюза, виновата Россия. Путин сошел с демократического пути, а вдобавок ввел ручное управление экономикой (...) „Нас интересует то, что делается внутри России, а не только межгосударственные отношения, — сказал Норберт Баас из германского МИДа. — (...) Пусть никто не сомневается в солидарности Берлина с

новыми членами [ЕС]. Сегодня мы связаны друг с другом более, чем когда-либо прежде». (*Мацей Кузьмич и Роберт Солтык, «Газета wyborcza», 19 апр.*)

- «Различия в подходе к основным ценностям демократического общества могут стать препятствием в развитии нормальных отношений между Евросоюзом и Россией. Это мнение, многократно повторявшееся на экономическом форуме „ЕС—Россия” в Кринице, прекрасно отражает характер отношений между Брюсселем и Москвой. На различия в подходе к основным ценностям указал, в частности, профессор Юрий Афанасьев: „Кремль выбрал неправильную и опасную для России стратегию. Вместо того чтобы укреплять демократию, он выбрал замаскированный авторитаризм”». (*«Жечпосполита», 18 апр.*)

- «„Не может быть европейской политики по отношению к России без Польши”, — предостерег премьер-министр Марек Белька на форуме „ЕС—Россия” в Кринице. Польский премьер сказал это советнику президента Путина Асламбеку Аслаханову». (*«Газета wyborcza», 15 апр.*)

- «Как сказал мне один из советников президента Путина, „темы польско-российского сотрудничества просто нет. Вопросы экономики и транзита энергии мы решаем в Брюсселе. Об Украине мы с вами говорить не будем, так как считаем вашу политику враждебной. Для диалога остается история — но тут диалог будет скорее неприятным. Однако есть смысл говорить о культурном сотрудничестве. В этой области можно кое-что сделать”». (*Ежи Марек Новаковский, «Впрост», 24 апр.*)

- Асламбек Аслаханов: «Борис Ельцин допустил серьезную ошибку, когда в 1991 г. от имени России принял ответственность за Катынь». (*«Впрост», 8 мая*)

- Министр иностранных дел Адам Даниэль Ротфельд: «Для нас 1945 год — это освобождение от геноцида, но в то же время горькое чувство, что мы сражались не за такую Польшу (...) Жаль, что российские власти не говорят об этом так, как Александр Яковлев или Гавриил Попов (...) Когда я читаю, что Глеб Павловский не понимает, почему поляки требуют раскрыть всю правду о Катыни, если другие народы СССР тоже пережили подобное, а Сталин просто ликвидировал в Катыни своих потенциальных противников, я вижу, насколько распространен этот образ мышления: противников, пусть даже потенциальных, можно ликвидировать! Нам казалось, что после Горбачева и Ельцина такое мышление уже не вернется. Но оно возвращается, и это затруднит наше взаимопонимание с Россией». (*«Газета wyborcza», 4 мая*)

- Стефан Братковский: «Путин пытается уязвить поляков различными способами (...) Прекрасным и мудрым ответом Польши (...) стало вручение высших польских наград 31 замечательному россиянину и украинцу (десятерым Москва отказала в праве принять польские ордена), внесшим вклад в выяснение катынского дела». (*«Жечпосполита», 30 апр.*)

- «Замминистра иностранных дел, а некогда посол в Польше Сергей Разов сказал: „Попытки доказать, что СССР и гитлеровская Германия несут одинаковую ответственность за начало войны, абсурдны”». (*«Жечпосполита», 16-17 апр.*)

- Адам Даниэль Ротфельд: «Россия объясняет пакт Риббентропа—Молотова ранее заключенным Мюнхенским соглашением. Действительно, Мюнхенское соглашение имело целью задобрить диктатора и было заключено в ущерб третьей стороне. Однако все подписавшие его стороны: Великобритания и деголлевская Франция во время войны, а Италия и Германия после войны — признали его недействительным и позорным. Мы ожидаем от России такого же шага в отношении пакта Риббентропа—Молотова. Нынешняя аргументация России ложна и опасна. Ведь и Горбачев, и Ельцин признали этот пакт несправедливым и постыдным». (*«Газета wyborcza», 6 мая*)

- «[Бывший министр иностранных дел] Владислав Бартошевский высказался относительно планов президента Александра Квасневского, который 9 мая намерен появиться в Москве. Он убеждал, что большинство поляков выступает против этого и президент должен считаться с их мнением — так же, как Владимир Путин, считаясь с мнением большинства россиян, не поехал на похороны Иоанна Павла II. „Не было бы ничего плохого, если бы в Москве нас представлял премьер-министр — как Российскую Федерацию в Ватикане”, — сказал Бартошевский. Подобное мнение высказал [лидер «Гражданской платформы»] Дональд Туск: „Для тех, кто попал в Сибирь, 1945 год не был радостным”. (...) Сторонником поездки президента в Москву оказался (...) бывший глава МИДа Анджей Олеховский. Он убеждал, что для большинства людей 9 мая 1945 года все-таки не было днем печали». (*«Жечпосполита», 25 апр.*)

- Премьер-министр Марек Белька: «Они только и ждут повода, чтобы изобразить поляков русофобами, стремящимися любой ценой ухудшить отношения Европы с Россией. Понижение ранга польской делегации в

Москве стало бы прекрасным поводом для распространения такого мнения. Если польско-российские отношения ухудшились, то это случилось не внезапно. Не забудем о том, что произошло на Украине и какую роль сыграли там поляки. Это и есть объяснение». (*«Жечпосполита», 4 мая*)

- «Празднование 9 мая. Одинокие почести президента. В струях дождя президент Александр Квасневский почтил вчера память тех, о ком официальная Москва, организовавшая торжества в честь 60 летия окончания войны, предпочла не вспоминать (...) Единственными российскими зрителями были милиционеры». (*«Жечпосполита», 9 мая*)

- «Президент возложил цветы к памятнику жертвам сталинизма на Донском кладбище, а также на символические могилы последнего командующего Армией Крайовой ген. Леопольда Окулицкого и заместителя делегата польского правительства [в изгнании] Станислава Ясинкевича (...) „Они были убиты в советской тюрьме и похоронены здесь в братских могилах”, — сказал Квасневский (...) Президент возложил цветы также к памятнику красноармейцам и к Соловецкому камню на Лубянке, увековечившему жертвы сталинского террора. Кроме того, он посетил музей Сахарова (...) Президента в молчании сопровождал Войцех Ярузельский». (*«Газета wyborcza», 9 мая*)

- Из выступления президента Белоруссии Александра Лукашенко: «Хочу предупредить (...) посольство Польши. Не думайте, что поляки в Беларуси — это не граждане Беларуси. Это наши граждане. Мы их в обиду никому не дадим, и мозги запудривать вы им тоже не будете (...) Католики — это наши католики. Мы их не ущемляем. Мы давно знали, что вы будете подавлять эту часть населения, чтобы дестабилизировать ситуацию. На Полесье тоже пытаются работать. Они не понимают, что белорусы живут совершенно в ином мире, что эти полешуки — это самая надежная опора наша, что поляки давно уже стали нашими поляками. Они не видят другой земли для жизни, нежели в Беларуси. Им не надо ни Польша, ни Литва, ни другие государства (...) Ведь они меня никогда не предадут (...) Поэтому успокойтесь (...) Ну есть же с кого брать пример. Послы Туркменистана, Армении, России, другие». (*«Газета wyborcza», 20 апр.*)

- «„Я с Лукашенко полемизировать не намерен”, — прокомментировал [выступление белорусского президента] премьер-министр Марек Белька (...) Министр иностранных дел Адам Ротфельд сказал, что слова Лукашенко типичны для всех недемократических систем, которые, когда у них возникают внутренние проблемы, ищут врагов вовне, желая отвлечь внимание общества». (*«Газета wyborcza», 21 апр.*)

- «В чрезвычайном порядке Сейм Литвы принял специальную резолюцию по Катыни. В ней выражается сочувствие польскому народу и солидарность с ним в 65 ю годовщину трагедии». (*«Жечпосполита», 15 апр.*)

- «Лех Валенса принял участие в международной конференции, организованной в столице Армении в 90 ю годовщину резни армян. „Армяне справедливо требуют, чтобы Турция могла вступить в Евросоюз только после признания геноцида. Эта резня была первым геноцидом XX века”, — сказал Валенса». (*«Жечпосполита», 22 апр.*)

- «19 апреля Сейм неожиданно принял специальную резолюцию в связи с 90 й годовщиной геноцида армян. Единогласно принятый документ гласит: „Сейм Республики Польша воздает дань памяти жертвам геноцида, совершенного против армянского населения Турции во время I Мировой войны. Память о жертвах этого преступления и его осуждение есть нравственный долг всего человечества, всех государств и всех людей доброй воли”. Таким образом, Польша стала 14 м государством, признавшим в парламентской резолюции события 1915-1922 гг. геноцидом». (*«Тыгодник повсехний», 1 мая*)

- «Турецкий парламент отменил запланированную на май встречу с польскими депутатами. Таков был протест против резолюции Сейма по геноциду армян». (*«Газета wyborcza», 28 апр.*)

- «„Замечательно, что люди, которые вовсе не евреи, в честь повстанцев надели кипы”, — восхищался аргентинец Матиас Алтар, который вместе с двумястами другими верующими пришел вчера на екуменическую молитвенную встречу „По пути памятников варшавского гетто”. Накануне 62 й годовщины восстания в гетто евреи, католики и протестанты молились по-польски и на иврите (...) От памятника Героям гетто все дошли до Умшлагплаца [места погрузки евреев в эшелоны, идущие в Освенцим]. Там участники встречи прочли молитву Иоанна Павла II о еврейском народе, которую он произнес на этом месте в 1999 году. Профессор Владислав Бартошевский назвал Папу величайшим в мировой истории зодчим иудейско-христианского взаимопонимания. „Во время его понтификата католическая Церковь признала антисемитизм грехом, в котором надлежит исповедоваться”, — подчеркнул Бартошевский». (*«Газета wyborcza», 18 апр.*)

- «62-я годовщина восстания в гетто (...) В 11.30 делегации правительства, варшавских властей и еврейских общин возложили венки к могиле Неизвестного солдата. Но, как всегда, больше всего людей собралось в полдень на площади, где пересекаются улицы Анелевича и Заменгофа. Именно в том районе 19 апреля 1943 года вспыхнуло восстание в варшавском гетто, в котором 800 бойцов сражались против немцев (...) Яркой одетая молодежь из Израиля развернула белый флаг с голубой звездой Давида. Повстанцев представлял их последний предводитель Марек Эдельман». (*«Газета wyborcza», 20 апр.*)
- «В год 60-летия освобождения немецкого концлагеря Аушвиц „Марш живых“ привлёк рекордное число участников. Путь от Аушвица до Биркенау длиной в 3,5 км проделали 18 тыс. человек. Как и ежегодно, в марше участвовала молодежь из Израиля, США, Бельгии, Венгрии и многих других стран. Вместе с ней шли 2,5 тыс. поляков». На марш прибыли премьер-министры Израиля и Польши Ариэль Шарон и Марек Белька, а также бывшие узники концлагеря Аушвиц. (*«Жечтосполита», 6 мая*)
- Что даёт новый закон о национальных и этнических меньшинствах? «Лица, принадлежащие к меньшинству, имеют право: писать свои имена и фамилии согласно правилам их языка, изучать язык меньшинства и свободно пользоваться им в общественной и частной жизни. В гминах, где меньшинство составляет более 20% от общего числа жителей, его язык может быть вспомогательным в учреждениях. Кроме того, он может использоваться в названиях местностей, объектов и улиц (за исключением названий, данных в 1933-1945 гг. Третьим Рейхом и СССР). Государственные органы власти обязаны поддерживать (в частности дотациями) культурную, издательскую и образовательную деятельность меньшинств». Самое многочисленное меньшинство в Польше составляют немцы — 153 тысячи. Следующие места занимают: белорусы (50 тыс.), украинцы (31 тыс.) и цыгане (12,7 тыс.). К более малочисленным группам относятся: армяне, евреи, караимы, кашубы, лемки, литовцы, русские, силезцы, словаки, татары и чехи. (*«Политика», 30 апр.*)
- В ответ на вопрос, заданный институтом исследований общественного мнения и рынка «Пентор»: «Кто, по вашему мнению, должен играть большую роль в польской Церкви?» — чаще всего можно было услышать имя архиепископа Станислава Дзивиша (69,8%). Следующие три места заняли: кардинал Францишек Махарский — 66,7%, епископ Тадеуш Перонек — 51,1% и кардинал Юзеф Глемп — 49,7%. Далекие 11-е и 12-е места заняли директор радио «Мария» о. Тадеуш Рыдзык и о. Генрик Янковский из Гданьска — оба получили по 21,3%. (*«Впрост», 1 мая*)
- Согласно подготовленному ЦИОМом рейтингу доверия к политикам, проф. Збигневу Религе доверяют 67% поляков, Александру Квасневскому — 54, Леху Качинскому — 53, Ярославу Качинскому и Яну Роките — по 50, Дональду Туску — 45, Леху Валенсе — 44%. (*«Газета wyborcza», 30 апр. — 1 мая*)
- «[Бывший] президент Лех Валенса стал хитом... косметических салонов. Клиентки чаще и охотнее всего изображают его портрет на своих ногтях (...) На выбор предлагаются два варианта: черно-белый портрет времен „Солидарности“ и цветной, относящийся к тому периоду, когда Валенса был президентом. Говорят, что нарисовать на ногтях Валенсу чаще всего просят молодые девушки и дамы около сорока». (*«Пшегленд», 17 апр.*)
- Согласно опросу ЦИОМа, на предстоящих президентских выборах за Збигнева Религу готовы проголосовать 22% поляков, за Леха Качинского — 21, за Влодзимижа Цимошевича — 15, за Анджея Леппера — 13, за Марека Боровского и Дональда Туска — по 9%. (*«Газета wyborcza», 26 апр.*)
- Согласно опросу ЦИОМа, в преддверии парламентских выборов «Право и справедливость» поддерживают 24% поляков, «Гражданскую платформу» — 20, «Самооборону» — 14, «Лигу польских семей» — 10, «Польскую социал-демократию» — 5, аграрную партию ПСЛ, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) и «Унию свободы» — по 4, «Унию труда» — 3%. Избирательный барьер составляет 5%. (*«Газета wyborcza», 16-17 апр.*)
- «Закон не запрещает баллотироваться подозреваемым и осужденным, а попытки депутатов ввести такой запрет пока не увенчались успехом, несмотря на всеобщее согласие (...) Эксперты считают, что такие попытки противоречат конституции, которую этот Сейм не в состоянии изменить». (*«Газета wyborcza», 16-17 апр.*)
- «Последний отчет Высшей контрольной палаты (ВКП) развеивает все иллюзии: в правительственную администрацию чаще всего попадают чиновники без гарантий добросовестности и хорошей подготовки (...) Из отчета следует, что на сегодняшний день более 65% высших чиновников, т.е. руководителей ведомств и управлений, — это люди, получившие место вне конкурса (...) По мнению ВКП, такой метод приема чиновников на работу вытесняет идею гражданской службы (...) У главы гражданской службы нет возможности влиять на политиков, чтобы улучшить положение в правительственной администрации. Поэтому контролеры подчеркивают необходимость смены законодательства». (*«Жечтосполита», 14 апр.*)

- «В начале апреля Главное управление полиции собрало данные о коррупции по всей стране. Оказалось, что с января по март текущего года таких дел было 1664, а в тот же период прошлого года — 1000. Данные касаются только установленных преступлений, по которым полиция собрала настолько обширный доказательный материал, что прокуратура предъявила обвинение лицам, занимающим государственные должности». (*«Газета wyborcza», 15 апр.*)
- «В марте 46% опрошенных ЦИОМом признали Польшу страной, в которой живет безопасно. Это на 13% больше, чем год назад. Столь же скачкообразно — на 16% — уменьшилось число людей, которые считают, что жить в Польше небезопасно (с 65 до 49%)». (*«Газета wyborcza», 14 апр.*)
- Согласно последнему отчету главного ветеринара о ситуации в убежищах для животных, 35% убежищ переполнены. В убежищах находятся 57 931 собака и 3349 кошек. 12% собак и 24% кошек пришлось усыпить. В некоторых убежищах усыпляют больше половины питомцев. От болезней, укусов и т.п. погибло 7% собак и 17% кошек. Новых хозяев нашли 55% собак и 31% кошек. (*«Газета wyborcza», 30 апр. — 1 мая*)
- «С 2004 г. вдоль железной дороги между Минском-Мазовецким и Седльце стоят аппараты UOZ 1 (...) Почти за минуту до появления поезда аппарат издает предостерегающий крик сойки. Потом слышится бешеный лай собак на облаве, лошадиное ржание. В конце идут предсмертные крики — например, вопль зайца или визг свиньи, которую режут. „Действие аппарата имеет одну цель: предупредить животных об опасности на понятном им языке так, чтобы они успели убежать (...)”, — объясняет проф. Симона Коссака, биолог, руководитель беловежской Лаборатории естественных лесов при НИИ лесоводства, которая разработала этот уникальный метод предупреждения животных (...) „Исследования показали, что аппараты оправдывают себя”, — говорит Марек Столярский, директор варшавского опытно-производственного предприятия NEEL, на котором они изготавливаются. Аппараты отпугивают оленей, косуль, лосей, кабанов, зайцев, а также мелких и крупных хищников». (*Иоанна Боссаковская, «Газета wyborcza», 23-24 апр.*)
- «По случаю Дня Земли в Варшаве должен пройти радостный праздник под патронажем министерства охраны окружающей среды (...) Но есть ли что праздновать в стране, где без особого смысла вырубаются или уже вырублены сотни тысяч зачастую вековых придорожных деревьев? В стране, где под предлогом защиты от наводнений в массовом порядке выпрямляют и бетонируют сотни километров малых и средних рек, а также ручьев? (...) Может ли быть поводом для гордости то, что министерство охраны окружающей среды создало в Беловежской пуше, последнем остатке древних первобытных лесов Европы, заповедники, в которые не может войти простой поляк, зато может въехать тяжелая техника, вырубаящая лес? Или то, что в конечном итоге программами ЕС по охране окружающей среды в сельскохозяйственных районах, призванными сохранить все природное богатство наших полей и лугов, будет охвачено 2,5% территории страны? Или, может, наш успех заключается в том, что мы занимаем одно из последних мест среди новых и старых членов Евросоюза по размерам территорий, обладающих природной ценностью, охраняемых в рамках европейской сети „Природа-2000”?» (*Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 23-24 апр.*)

2: ИЗ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАТЫНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Продолжение документальных записок

Я начал поиски Бороденкова, который, по словам Ивана Ноздрева, принимал участие в расстрелах польских офицеров и советских граждан. Бороденков служил в комендантском взводе под началом Стельмаха, в 1940 г. коменданта Смоленского УНКВД, а Стельмах и его подчиненные приводили в исполнение приговоры троек и двоек НКВД. В моем распоряжении была только фамилия и примерный год рождения. Вскоре Ноздрев припомнил, что Бороденков жил в районе Красноармейской улицы. Но Красноармейских улиц (как оказалось) в Смоленске было целых три. В конце 1989 г. я нашел его точный адрес — это была 3-я Красноармейская, второй этаж старого деревянного дома (без удобств). Такие дома строились сразу после войны в городе, разрушенном до основания немцами. Теперь же эти старые развалюхи выглядели жалко и по мнению городского начальства портили облик социалистического Смоленска. Однако, прежде чем рассказать о встрече с ним, я хотел бы вернуться в сентябрь-октябрь 1989 года.

Помню, как я ходил за туристами из Польши и пытался заговорить с кем-нибудь из поляков, чтобы рассказать правду о Катыни, но все мои попытки были неудачными, так как все они спешили (это были экономические туристы) сделать покупки (телевизоры, холодильники...) и успеть на отходящий варшавский поезд. Мешал и языковой барьер: кроме «проше пани» я ничего не знал. После очередных неудачных попыток рассказать правду

я долго переживал, был в отчаянии, так как считал, что не имею морального права носить эту тайну в себе. Мое отчаяние усиливалось еще и тем, что ни «Московские новости», ни «Литературная газета» на мои письма не отвечали. Я решил, что эти разоблачительные письма перехватило КГБ и теперь мне покажут перестройку вместе с гласностью!

Плюс ко всему в УКГБ Смоленской области на меня начали настоящую охоту: выговоры и приказы о наказании посыпались, как из рога изобилия. От некоторых прихлебателей начальства звучали даже угрозы физической расправы. Впрочем, это была обычная тактика в КГБ — создавать условия для увольнения неугодного сотрудника по статье о служебном несоответствии. Особенно, помню, затаили на меня зло так называемые потомственные чекисты. Их «славные» предки (отцы и деды), наследники Дзержинского и Берии, оказались под угрозой позорного разоблачения. Сейчас я думаю, что это и есть одна из причин того, что десятки томов российского следствия по Катыни до сих пор не переданы польской стороне.

В то же время в лице сотрудников Смоленского УКГБ, которые были в немилости у начальника (генерал-майора А.И.Шиверских), я нашел неожиданных союзников или просто сочувствующих. Например, электрик В.Владимиров неоднократно помогал мне в поисках свидетелей, он был одним из активных участников пешего марша смолян в Катынь, посвященного памяти репрессированных. Этот марш очень испугал начальство госбезопасности, а все его участники были засняты на видео скрытой камерой. Организован он был обществом «Мемориал», из которого я знал Алексея Памятных: он еще с 1987 г. на свой страх и риск искал свидетелей катынской трагедии. Другой сотрудник помог мне встретиться с репортером телевизионной программы «Взгляд» А.Политковским, которому я дал интервью о том, что имею свидетельства о расстреле польских офицеров в 1940 г. сотрудниками НКВД. Политковский заявил, что в субботу они пустят эту запись в эфир, что это настоящая «бомба». Но ни в субботу, ни через месяц, ни через два программа в эфир не вышла, а «Взгляд» был закрыт. Позже Политковский рассказывал, что сотрудники КГБ просто отобрали у них эту видеокассету. Перед новым 1990 годом Влад Листьев и Ю.Любимов публично извинились, что по не зависящим от них причинам передача о Катыни не вышла в эфир.

Из-за почти полного отсутствия в СССР правдивой информации на эту тему я в тот период даже не представлял себе, что польские патриоты давным-давно начали борьбу за правду об этом жесточайшем сталинском преступлении. О чем тут говорить, если о нападении Советского Союза на Польшу 17 сентября 1939 г. и о военных действиях я узнал только в 1984 г. (хотя всегда интересовался историей) из случайных разговоров. По-моему, министр иностранных дел России Сергей Лавров до сих пор этого не знает, не говоря уже о депутате Государственной Думы Маргелове и Амане Тулееве.

Как и подавляющее большинство советских граждан, первые сведения о Катыни я услышал по радио «Голос Америки» и «Свободная Европа». Живя в СССР, мы даже не представляли себе, что на Западе еще в 1943 году появились первые публикации об этом преступлении, что в 1949 г. в Англии был опубликован «Катынский список» А.Мошинского, а также воспоминания уцелевших польских офицеров Б.Млынарского, С.Свяневича, Ю.Чапского и свящ. З.Пешковского, а в Польше — книги Е.Лоека и К.Заводного. Позже, в 90 х годах, я узнал что отважные польские патриоты, не считаясь с риском, многие годы искали свидетелей этого преступления — например Тадеуш Пеньковский, Михал Журавский, Кристина Курчаб-Редлих и др. Посещавшие Катынский лес польские граждане часто сами исправляли на памятнике дату гибели польских офицеров с 1941 на 1940 год, что сильно раздражало начальство Смоленского УКГБ.

По телевидению тогда (сентябрь-октябрь 1989 г.) непрерывно транслировались заседания съезда народных депутатов, очень смелые выступления на съезде академика Андрея Сахарова прерывались криками и проклятиями ярых коммунистов. Я подумал, что А.Д.Сахаров — тот человек, который может разрушить глухую стену неправды, окружающую тайну гибели польских офицеров. Я написал письмо Сахарову и еще двум депутатам. Кажется, прошло не более месяца (точно не помню) — вдруг известие: внезапно скончался академик А.Сахаров. Позже от журналиста Г.Н.Жаворонкова я узнал, что академик получил мое письмо и прочитал, но это было последнее, что он прочитал в своей жизни...

По-моему, во второй половине октября 1989 г. московский кинорежиссер Уваров снял по моим материалам документальный фильм с участием найденного мною свидетеля Титкова, который в ходе съемок признал, что польские офицеры были расстреляны в 1940 г. органами НКВД. Однако фильм Уварова на широкий экран не вышел (хотя он меня уверял, что где-то в посольствах, за границей, его показывали).

Только смоленское радио сообщало о моих открытиях — радиожурналист Александр Якушев по моим данным брал интервью у найденных свидетелей, и наша совместная работа продолжалась более года. Здесь надо отметить, что директор этого радио Новиков, будучи в оппозиции к обкому партии Смоленска, разрешил эти передачи. В результате Смоленск начинал бурлить. Усилились требования демократов о закрытии дач КГБ в

районе Катыни. Я получал телефонные звонки с угрозами, а изредка с благодарностями за поиски правды. В Смоленске частыми стали митинги в поддержку перестройки и гласности.

В конце октября 1989 г. у меня дома раздался ночной звонок из Москвы. Звонивший представился: «Геннадий Жаворонков, корреспондент газеты „Московские новости“, — и дальше: — Получил ваше письмо, выезжаю завтра к вам в Смоленск, ничего не бойтесь, главный редактор газеты Егор Яковлев не даст с вами расправиться и в случае увольнения поможет». Забегая вперед скажу, что Е.Яковлев своего слова не сдержал и в нужный момент не помог. Хотя с момента отправки моего письма в редакцию «МН» прошло более двух месяцев, этот звонок меня взволновал и обнадежил. Домашние мои, жена Галина и дочь Лариса, тоже были взволнованы предстоящим визитом корреспондента самой популярной тогда газеты, друга академика Сахарова, как представился Г.Жаворонков. Жена, зная повадки КГБ, ожидала самого худшего и принимала сердечные лекарства, а дочь-старшеклассницу распирало любопытство. Петляя на маленькой «Оке» по улицам разбросанного на холмах Смоленска Жаворонков наконец нашел мой дом и подъезд, у которого стояла машина «Скорой помощи»; он спросил водителя в какую квартиру приехала «скорая», — ему назвали номер моей квартиры.

«Опоздали», — сказал он своему спутнику-фотокорреспонденту.

«Скорая помощь» действительно приехала по моему адресу, так как у дочери случился острый приступ аппендицита, всё в один вечер. Напряженность обстановки трудно описать. Наконец, когда эта суматоха кончилась, я подробно рассказал Г.Жаворонкову все, что знал, в том числе и об уничтожении в 1940 г. польских офицеров. Жаворонков, несмотря на риск, решил во что бы то ни стало пробраться на охраняемую территорию дач НКВД-КГБ в Катынском лесу. Обстановку в дачном поселке и Катынский лес хорошо знал мой товарищ В.В.Владимиров (у него дом был в Красном Бору около Катыни). Несмотря на поздний вечер я позвонил Владимирову, и он присоединился к нашей компании. На следующий день ему удалось провести Жаворонкова на охраняемую вооруженной охраной и немецкими овчарками территорию. Воодушевленный неожиданными открытиями, Жаворонков с переданными ему мною документами преступления уехал, пообещав: «Читай следующий номер „Московских новостей“!»

Но ни в следующем, ни в последующих номерах ничего не было. Прошел ноябрь 1989 г., уже была разрушена Берлинская стена, но стена лжи вокруг Катыни еще держалась. Прошел декабрь — статьи о Катыни нет.

Мои попытки дозвониться до Егора Яковлева были безрезультатны. Я чувствовал, как неудобно Жаворонкову, совестливому и честному журналисту, за все происходящее. Наконец он мне рассказал, что лично Горбачев просил Егора Яковлева подождать с публикацией — иначе номер газеты не выйдет в свет. Позже, при личной встрече, Жаворонков немного приоткрыл мне закулисную игру Горбачева и Егора Яковлева. Из разговора я понял, что Яковлев согласился попридержать разоблачение в обмен на скорое официальное признание катынского преступления. Пришли к такому полюбовному решению, чтобы приурочить признание к приезду Ярузельского в Москву (Кремлю очень важно было передать документы Ярузельскому, как бы поддержать товарища в трудные времена...)

Все эти игры были для меня чужды и аморальны. Журналистский долг — не торговаться, а любыми путями публиковать разоблачительные материалы. Теперь только я понял, что я уже лишний в этой игре. Позднее за покладистость Е.Яковлев получил от Горбачева должность шефа телевидения. Горбачев не хотел неконтролируемых разоблачений, так как питал наивную надежду на сохранение «социализма с человеческим лицом». А так вот сразу сорвать с этого лица маску — ни в коем случае!

Сегодня, когда уже изданы мемуары ближайшего окружения Горбачева, все знают, что последний (и первый) президент СССР, узнав содержание пакета №1, был в ужасе от прочитанного и не стал даже ставить подпись об ознакомлении с содержанием, как это положено. Позже это дало ему возможность обвинить своего помощника В.И.Болдина., что тот-де знакомился, а он, Горбачев, — нет. Все это Болдин в своих воспоминаниях опроверг, а кроме того рассказал, что Горбачев до последнего момента хотел уничтожить документы пакета №1 (именно там было решение политбюро от 5.III.1940 г. о расстреле польских офицеров).

Читая все эти мемуары, становится ясно, почему только Б.Н.Ельцин отважился отдать Польше это решение политбюро ЦК ВКП(б).

Итак, Горбачев не захотел вбивать последний гвоздь в гроб коммунистической партии, а предоставил это Ельцину, первому президенту России. Сейчас ясно, что Горбачев хотел ограничиться только куцей информацией о том, что-де это дело рук Берии и его подручных, как это и доказывают изыскания историков. И всё! Никакого решения политбюро от 5 марта 1940 г. он не хотел открывать. Я предполагаю, что Горбачев решил пустить

историков в архивы прежде всего с целью выяснить, есть ли другие следы катынского преступления. Если бы их не нашли (спасибо Ю.Н.Зоре, В.С.Парсадановой, И.С.Яжбровской и др.), то я уверен: Горбачев бы приказал тот документ от 5 марта 1940 г. уничтожить, равно как и подлинник пакта Риббентропа—Молотова с секретными протоколами. Это доказывают не только мемуары В.И.Болдина — как мне кажется, честного и совестливого человека, — но и других, например Р.Г.Пихои.

Такие, как А.Памятных и подобные нам «партизаны», портили Горбачеву контролируемую гласность. Егор Яковлев был недостижим (позднее, пытаясь поговорить с Е.Яковлевым, я услышал от уважаемого шестидесятника: «Пошел вон!»). Еще бы, какой-то Закиров мешается под ногами при такой крупной игре. От Жаворонкова я знал, что Яковлев уже получил от председателя КГБ СССР Крючкова очерняющее меня письмо.

Впрочем, я забежал далеко вперед, а пока, совершенно не зная о поисках историков в Москве, я продолжал на периферии, в Смоленске, свое расследование.

В конце декабря 1989 г. я решил наконец навестить Кирилла Евстафьевича Бороденкова, 1907 г.р., уроженца деревни Ржавка Краснинского района Смоленской области, пенсионера НКВД-КГБ, служившего в комендантской службе Стельмаха, которая занималась исполнением приговоров троек, двоек и ОСО, в том числе по 1 й категории (т.е. расстрелы). В 1940 г. К.Е.Бороденков служил вахтером Смоленской тюрьмы НКВД.

Деревянный дом, в котором он жил, находился всего лишь в 50 метрах от дома генерала УКГБ А.И.Шиверских, который не устал заявлять, что поиски свидетелей результатов не дали... Поднимаясь по скрипучим ступенькам на второй этаж, распугивая топотом притаившихся под лестницей диких кошек, я настроил себя на все возможные варианты — вплоть до «persona non grata».

Дверь мне открыл старик выше среднего роста, изможденный болезнями; глаза у него были водянисто-серые и холодные, как у мороженой рыбы, — и заведомая враждебность и настороженность во взгляде. Опять меня выручило служебное удостоверение и еще то, что он принял меня за сотрудника пенсионного отдела, пришедшего по поводу его заявления в УКГБ Смоленска об улучшении жилищных условий. Бороденков разрешил мне войти, но в тот же миг я почувствовал такой букет запахов, что даже общественный туалет проиграл бы в сравнении. Первым моим желанием было тут же выйти, но, поборов неприятные ощущения, я начал его расспрашивать о 1940 годе. Бороденков указал мне на стул, и тут я заметил, что у него в нижнюю часть живота вставлена трубка, по которой мокроты стекали в прикрепленную чуть ниже стеклянную баночку из-под майонеза. Вот почему в комнате стоит несусветная вонь, мелькнула у меня догадка. Это был брошенный родственниками и коллегами-чекистами, тяжело больной ветеран НКВД-КГБ. Я подумал, что наверное Бог некоторым еще при жизни устраивает за тяжелые грехи геенну. Как и следовало ожидать, он начал жаловаться на жилищные условия, на отсутствие помощи от УКГБ, а я стал поддакивать, подтверждая вопиющее равнодушие его коллег-чекистов. Уловив сочувствие с моей стороны, он стал более словоохотливым. Бороденков твердо и уверенно заявил, что польских офицеров в 1940 г. расстреливали его сослуживцы: И.И.Стельмах, И.Грибов, Гвоздовский, Сильченков — имена остальных он забыл. Трупы убитых хоронили в Козьих Горах (т.е. в Катынском лесу). Один раз он сказал: «...когда мы стреляли», — но тут же поправился: «когда они стреляли» в польских офицеров, им выплачивались на специальный секретный счет деньги, поили водкой, и была хорошая закуска (балык, колбаса...). Я тут же спросил: — А вы тоже стреляли? — но не тут-то было: Бороденков прекрасно знал, что такое преступление не имеет срока давности, и ответил: «Нет». Видно было, что он боится говорить о себе, а о соратниках — пожалуйста. Бороденков, помню, добавил, что в 1943 г., когда услышал (в эвакуации в Зеленодольске) по радио о том, что поляков расстреляли немцы, то рассмеялся над лживой советской пропагандой. Бороденков собственноручно записал рассказанное. Полученный документ я передал на Смоленское радио и отослал в газету «Московские новости» Геннадию Жаворонкову.

Через несколько дней, когда я утром шел с дежурства домой, был сильный гололед. Я решил еще порасспрашивать Бороденкова. Дверь его квартиры была полуоткрыта, слышались голоса сотрудников Смоленского УКГБ: В.Я.Тюкавина, наиболее приближенного к начальнику УКГБ и участвовавшего в организованной им травле меня и найденных свидетелей; Тихонова из архива УКГБ — старого чекиста с довоенным стажем, который на одном из партсобраний заявил, что меня тоже надо расстрелять за предательство; Герасимова, начальника отделения УКГБ — этот был готов на все, лишь бы угодить начальству.

Тихонов кричал Бороденкову: «Врешь ты все!» — а Тюкавин вкрадчивым голосом выяснял: «Вас Закиров просил написать объяснение?» Бороденков ответил: «Нет, я сам написал».

Я понял, что идет «обработка» свидетеля с целью извращения его сведений: что якобы он писал под мою диктовку.

Решительно зайдя в комнату, я поздоровался с Бороденковым — у Тюкавина от неожиданности отвисла челюсть, а Герасимов стал кричать, чтобы я «не мешал работать». Тут они все, кроме хозяина квартиры, стали кричать (перекосившись от злости): «Вон отсюда!».

— Если хозяин квартиры мне скажет «уходи», то я пойду, — как можно более спокойным голосом произнес я.

— Оставайся, — неожиданно для меня и присутствующих заявил Бороденков и, подумав, добавил: — А вы уходите отсюда, и чтобы я вас больше не видел!

«Битва» была мною выиграна без потерь, противник несмотря на превосходство удалился, а Бороденков, показывая на удалявшихся, сказал мне доверительно:

— Я думал, они меня арестовать пришли.

Однако уже очень скоро начальство Смоленского УКГБ отыгралось на мне. Мне стали угрожать судом «офицерской чести» и объявили очередной выговор с занесением в личное дело. Честно говоря, я уже был готов к более суровым мерам расправы, но что-то им мешало. Теперь-то я знаю, что склонность Горбачева открывать часть правды была прекрасно известна генерал-майору Шиверских, который в то время часто ездил в Москву... В описываемое мною время, помню, генерал предложил как-то мне с невинным выражением лица:

— Давайте вместе искать свидетелей.

Но, зная на практике их «поиски», я продолжал самостоятельные исследования.

Они нашли способ на Бороденкова: отыскиали его родственников и запугали их, после чего те куда-то его увезли. По моей подсказке, корреспондент Смоленского радио А.Якушев успел взять у него интервью.

Вскоре я от кого-то узнал, что Бороденков умер...

Продолжение следует

3: НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД РАБОТЫ КОМИССИИ БУРДЕНКО

Прежде всего — мои извинения за то, что я выступаю не с докладом о завершенной работе, а с сообщением о работе начатой. Происходит это потому, во-первых, что всё еще очень труден доступ к тем архивам, которые нужны для выяснения этой темы. И, во-вторых, потому что мне важнее, чтобы человек, женщина, которую я начала искать, была найдена или хотя бы найдено было ее имя, чем чтобы это сделала я сама. Поэтому я буду благодарна коллегам за любые советы и соображения.

Все мы много думали и думаем о феномене покорения населения СССР идеологией тоталитаризма — культом Сталина. Я до сих пор помню страшные толпы людей на улицах и в залах, прославляющие отца народов и требующие смерти врагов народа. Конечно, не весь народ был полностью одурманен. Было немало людей, особенно среди интеллигенции, которые и при Сталине занимали позиции абсентеизма, жили как бы во внутренней эмиграции. Но постепенно выявляются и имена тех, кто отваживался активно противостоять, несмотря на страшную нависавшую над ними за это опасность. Наш долг — разыскать такие случаи, назвать имена этих людей, рассказать о них, об их судьбах, воздать им должное.

Этим летом я прочла работу, которая сейчас сдана в производство и в ближайшее время должна выйти в Израиле. Автор этой работы Федор Миронович Лясс — известный медик, профессор, доктор медицинских наук, недавно переехавший в Израиль. Название его работы — «Последний политический процесс Сталина».

По существу речь в этой работе идет о двух процессах — Еврейского Антифашистского комитета (из-за героического противостояния пытаемых подследственных этот процесс так и не удалось сделать открытым и показательным) и «врачей» (он был назначен на 5 и 6 марта 1953 г. и не состоялся из-за того, что Сталин испустил дух).

Работа Лясса — это научный анализ материала и воспоминания автора. Его мать, Евгения Федоровна Лившиц, была врачом-педиатром и работала в лечебно-санитарном управлении Кремля. Она лечила детей и внуков высших руководителей советского правительства и ЦК. Среди ее пациентов были дети и внуки Сталина, Молотова, Кагановича, Микояна, Орджоникидзе. Арестована она была на несколько месяцев раньше, чем другие известные медики, проходившие по «делу врачей», — 4 июня 1952 года. Ей в этом процессе предназначалась

роль «обличителя» — та роль, которую сыграла потом небезызвестная Лидия Тимашук. Конечно, было бы гораздо эффективней, если бы своих коллег обвиняла еврейская женщина. Но это не удалось. Несмотря на все мучения Евгения Федоровна не дала нужных КГБ показаний на своих коллег, а в августе, после двух месяцев истязаний, она, не выдержав непрерывного давления, совершила попытку самоубийства. Она повесилась на спинке кровати в своей тюремной одиночной камере на Лубянке. В последний момент ее успели спасти. Она на время потеряла зрение, у нее была нарушена речь, наступила тяжелейшая депрессия. В таком состоянии даже следователи КГБ не могли продолжать «следственный процесс», и ее поместили для лечения и на экспертизу в печально известный Институт судебной психиатрии им. Сербского, где она пробыла с 18 августа по 19 сентября 1952 года.

Там ее признали психически здоровой и вменяемой. Хочу обратить внимание на то, что в те годы психотропные препараты с целью помутнения сознания инакомыслящих пациентов советской психиатрии еще не применялись. Сознание Евгении Федоровны было ясным. самого термина «инакомыслие» в Советском Союзе тогда еще не существовало, поскольку признавалось «морально-политическое единство советского народа». Но длительное, бессрочное содержание неугодных в психиатрических больницах уже применялось.

Здесь, в Институте Сербского, в августе 1952 г. у Евгении Федоровны и произошла встреча, рассказу о которой я вынуждена была предпослать столь длинную преамбулу.

Как сказано в работе Лясса, Евгения Федоровна окольными путями сообщила семье, что ей стало лучше, но «она боится, что ей поставят диагноз шизофрении и отправят на „вечную койку“... Чем была вызвана эта боязнь матери, она рассказала мне по выходе из тюрьмы. Там, в институте Сербского, на прогулке она познакомилась с женщиной, лежавшей на этом же отделении. История ее такова. Она, врач, судебный медик, была привлечена к работе в правительственной комиссии, возглавляемой главным хирургом Красной Армии Н.Н.Бурденко, по расследованию уничтожения польских офицеров в Катыни. Комиссия работала в 1944 году, и тогда эта женщина-врач на основании патолого-анатомического анализа эксгумированных трупов расстрелянных высказала свое мнение о том, что расстрелы были произведены не в 1941 году, как было указано в коммюнике и разглашено всему миру, а на два года раньше, в 1939 году. Из этого следовало недвусмысленно, кто был виновником трагедии. Эту женщину сразу же изъяли из правительственной комиссии и запрятали в психиатрическое учреждение на „вечную койку“ с диагнозом шизофрении. К сожалению, я не знаю ни ее фамилии, ни имени, ни звания. А надо бы ее найти и воздать должное ее героизму, самоотверженности и профессиональной честности».

Эта встреча состоялась в августе 1952 года. Комиссия Бурденко работала в январе 1944 года. То есть прошло 8 с половиной лет! Пока мы не знаем, где была эта женщина все эти годы. Прочтя работу Ф.М.Лясса, я начала искать. Правда, я заранее понимала, что, скорее всего, документов не найду, так как такого рода заявления советские начальники тогда просто боялись фиксировать. Может быть, удастся найти свидетельство о последствиях этого заявления для его автора. Пока мои поиски заключались в том, что я перечла в архиве материалы комиссии Бурденко (а есть подневные и даже почасовые дневники ее работы), обращая особое внимание на деятельность экспертов, прочтя и рассмотрев все протоколы и альбомы, относящиеся к эксгумации.

Известно, что 13 января 1944 г. в Смоленск приехали пять экспертов — членов комиссии: Прозоровский, Смольяников, Семеновский, Швейкова, Выропаев. Эти пятеро — официальная судебно-медицинская комиссия специальной комиссии Бурденко. 18 января, после доклада главного эксперта Прозоровского комиссия Бурденко постановила увеличить число судебно-медицинских экспертов, чтобы можно было вскрывать до 400 трупов в день. Для этого были привлечены необходимые медицинские работники «из близ расположенных армий». 20 января Прозоровский доложил, что прибыли еще четыре врача (в их числе была одна женщина). Потом еще два. После этого неоднократно упоминается в протоколах и дневнике комиссии, что работают 12 врачей.

«Двенадцать» — это пять официальных экспертов, шесть привлеченных военных врачей и еще один эксперт, на личности которого интересно остановиться. Фамилия его Зубков. В протоколах комиссии он выступает в двух качествах: и как эксперт, и как свидетель. Он — профессиональный судебно-медицинский эксперт, работавший до войны, остававшийся в Смоленске при немцах и побывавший в 1943 г. в Катыни на захоронении после немецкой эксгумации. В начале работы комиссии Бурденко он был привлечен ею как эксперт. В протоколах экспертиз говорится о его работе, о том, какие трупы он эксгумировал и исследовал и т.д. Так он работал почти неделю. (Всего же эксперты работали в Катынском лесу и Смоленске 12 дней). Но 20 января он дал подробные показания в качестве свидетеля. И после его показаний Бурденко заметил: «Я думаю, что мы допустили ошибку. Нужно было его вперед (так! — А.Г.) использовать как свидетеля, а потом допускать к работе». И аргументирует это тем, что Зубков знает о деле больше других свидетелей. Зубков продолжал работать как эксперт и после этого, что отражено в ежедневных рабочих судебно-медицинских протоколах. Но в заключительных актах упоминания о нем нет. А для нашей цели важно выяснить, что было с ним дальше. Это почти арифметическая задача. В протоколе от 20 января еще раз указано, что «работает 12 врачей». Легче всего считать, что это 5

официальных экспертов + 6 привлеченных военных врачей (вспомним, что в воспоминаниях Е.Ф.Лясса о нашей героине сказано, что «она **была привлечена** к работе в правительственной комиссии».) И так, 5 официальных экспертов + 6 военных врачей + Зубков = 12. И тогда та, кого мы ищем, — старший лейтенант медицинской службы Пушкарева (ее инициалов, как и инициалов всех военных врачей нет нигде, только звания). Никто из военных врачей не подписывал заключительных актов — о них сказано: «при участии». Сделано ли это, чтобы не выделять отказницу, или так было положено по субординации — не знаю.

Но можно предположить и другой вариант решения нашей задачи. Швейкова — не врач, а судебный химик. Считал ли ее Прозоровский в числе двенадцати врачей, мы не знаем. Если нет, то, значит, был еще один врач (или еще одна женщина-врач?), вычеркнутый из протоколов. И считался ли Зубков, чье участие в заключительных актах не упоминается? И тогда это, может быть, и не Пушкарева, а какая-то другая женщина — «врач, судебный медик».

Выяснение этих загадок я начала. Так, мне пришлось в голову посмотреть в архиве все бухгалтерские дела ЧГК. Очевидно, собственно у комиссии Бурденко своей бухгалтерии не было — она работала всего 2-3 недели. Значит, ее бухгалтерские дела были при ЧГК по немецким злодеяниям. Я думала, что смогу найти какие-то документы о содержании членов специальной комиссии, о каких-то выплатах, словом, еще какие-то имена. Но из всех дел описи 126 фонда 7021 Государственного архива России (опись №126 — бухгалтерия) сохранилось одно, касающееся расчетов с рядовыми сотрудниками самой ЧГК (машинистками, инспекторами, шоферами, работниками архива — не выше зам. зав. отделом). Остальные «не существуют», как мне письменно ответили в архиве.

Я написала запрос о военной судьбе Пушкаревой после января 1944 года. Запрос в Институт Сербского можно попытаться дать только тогда, когда будет точно известна фамилия женщины, лежавшей там. Как профессиональный историк я вполне отдаю себе отчет, что одного свидетельства очевидца и двух косвенных доказательств (1. военные врачи не подписывают актов; 2. в книге Лясса женщина, о которой идет речь, говорит о себе, что она была «привлечена» к работе в комиссии Бурденко, и это же слово — «привлеченные» военные врачи — упоминается в протоколах комиссии, чего не мог знать ни Ф.И.Лясс, ни тем более его мать) совершенно недостаточно. Надо искать дальше на тех путях, о которых я говорила выше, а возможно, и на других.

Анна Михайловна Гришина скончалась в 2000 году. Она была учредителем польской секции «Мемориала», действующей с осени 1988. Была в числе организаторов «Недели совести» в Варшаве в 1992 г., координировала архивные разыскания о поляках — жертвах ГУЛАГа. Ее статья о работе польской секции «Мемориала» была напечатана в «Новой Польше» (2000, №9). В апреле 2005 посмертно награждена кавалерским крестом ордена «За заслуги» Республики Польша.

Публикуемый текст был прочитан на конференции «В кругу Империи», организованной центром «Карта» в Подкове-Лесной в 1994 году. Это всего лишь набросок — тяжелая болезнь помешала автору продолжить работу над этой темой. Будем надеяться, что судьбы всех русских, связанные с разоблачением катынского преступления, станут предметом дальнейшего изучения.

4: КАТЫНЬ БУДЕТ РАЗДЕЛЯТЬ ВСЕГДА

— Почему Катынь после стольких лет продолжает разделять Польшу и Россию?

— Катынь будет разделять нас всегда. Германия значительно дальше продвинулась по пути признания ответственности за свои преступления. Несмотря на это, историческая память о немецких преступлениях и их жертвах жива.

Чтобы достичь взаимопонимания, открытого сотрудничества, необходимо разрешить разделяющие нас проблемы и дать им оценку.

Мы сейчас говорим о катынском преступлении, но ведь были еще сотни тысяч других репрессированных польских граждан — высланных, сосланных и заключенных в лагерь.

— Что в катынском деле еще не получило своего разрешения?

— Прежде всего мы не знаем имен около четырех тысяч жертв. Я имею в виду заключенных, содержавшихся в тюрьмах Западной Белоруссии. Они были казнены на основании того же постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., что и узники трех лагерей для военнопленных. Ответ Главной военной прокуратуры на наш

недавний запрос показывает, что прокуроры располагают какими-то документами, которые историкам до сих пор неизвестны.

— **Тем не менее Главная военная прокуратура все же решила прекратить расследование.**

— Прокуратура закрыла расследование, однако не обнародовала юридической квалификации преступления. Из заявления Главного военного прокурора от 11 марта с.г. следует лишь, что это не был геноцид. Значит, прокуратура говорит: это не геноцид — но не говорит, что же это. В ответ на запрос «Мемориала» ГВП привела квалификацию по пункту «б» статьи 193 17 Уголовного кодекса РСФСР (1926 г.), т.е. превышение власти лицами начальствующего состава Красной Армии при наличии особо отягчающих обстоятельств. Мы считаем такую квалификацию неприемлемой. Относительно того, считать ли Катынь геноцидом, возможны различные мнения. Лично мне кажется, что правильнее было бы считать ее военным преступлением и преступлением против человечества.

— **Чем объяснить, что ГВП отказывается передать все материалы следствия в Польшу?**

— Мы спросили их и об этом — ответ подкупающе прост. Материалы следствия собраны в 183 тома, причем в 116 томах имеются отдельные документы с проставленными грифами секретности или «для служебного пользования». В связи с этим каждый такой том засекречен как целое.

— **А на самом деле?**

— Железное выполнение векового правила спецслужб: своих не выдавать. Я же считаю, что все виновные, начиная с высшего уровня и кончая низшим, должны быть объявлены.

Мы сознаём, что невозможно судить людей, которых на свете уже нет, однако фамилии всех соучастников преступления должны быть преданы гласности. Те, кто принимал решение на уровне политбюро, были названы; чем ниже уровень, тем меньше известно.

— **Каковы шансы у польского следствия?**

— Я как-то не вижу возможностей вести расследование в Польше. «Белорусский список», ведя расследование в Польше, не добыть.

Заккрытие расследования в России — это большая ошибка. Польше надо бы протестовать против этого, а не приниматься за собственное расследование. Заккрытие российского расследования — это худший выход из плохой ситуации. Расследование могло «тихо тлеть», дожидаться лучших времен. Я считаю, что следствие в России необходимо возобновить.

— **В России сейчас неподходящий климат для того, чтобы спокойно говорить об истории.**

— Признание истины требует внутреннего перелома. Признать, что твоя страна несет ответственность за преступления, трудно. Гораздо легче помнить, что СССР сыграл решающую роль в победе над фашизмом.

— **Какое значение для вас имеет орден от президента Польши?**

— У меня смешанные чувства. Я всегда считал, что за то, что мы делаем, не следует давать ордена. Но, конечно же, это для меня большая честь.

Беседу вел Павел Решка

*

Александр Гурьянов, председатель польской секции общества «Мемориал», награжден кавалерским крестом ордена «За заслуги» Республики Польша.